УДК 340.15

Ачмизов А.А.

ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ КРЕСТЬЯНСТВА ПО СОБОРНОМУ УЛОЖЕНИЮ 1649 ГОДА

В статье проводится анализ юридического положения крестьянства России по соборному уложению 1649 года.

This article analyzes the legal position of the Russian peasantry according to Council Code of 1649.

Ключевые слова: *крестьянство, правовое положение, Соборное Уложение 1649.*

Keywords: *Peasantry, Legal Status, Council Code of 1649.*

Соборное уложение 1649 года (далее Уложение) является одним из центральных нормативных актов Русского государства, имевшим решающее значение для судьбы крестьянства. В нем нашли отражение вопросы, связанные с окончательным закрепощением всех слоев крестьянства и лишением его политических прав [1].

В разное время ученые по-разному оценивали роль Уложения в регулировании положения крестьян. К примеру, по мнению дореволюционного историка Ю. Готье, единственной задачей Уложения была борьба с крестьянскими побегами, которая регулировалась главой XI Уложения, и никаких других целей в отношении крестьянства законодатель в Уложении не преследовал [2]. С позицией Ю. Готье, не соглашался советский и российский историк А.Г. Маньков, который считал роль крестьянства в общественной жизни России того времени более значимой, и по его мнению нельзя ограничиться в вопросе регулирования крестьянского положения в одном из главных юридических актов XVII века лишь главой о крестьянских побегах. Кроме того, в доказательство того, что Уложение в регулировании крестьянского положения не ограничивалось лишь главой XI, он приводил довод, что крестьяне в той или иной мере упоминаются в 17 из 25 глав Уложения и в общей сложности им там посвящено 111 статей [3]. Трудно не согласиться с мнением А.Г. Манькова, так как, действительно, для полноценного анализа правового положения крестьянства по Соборному Уложению недостаточно изучить лишь главу, регламентирующую порядок возвращения и определения судьбы беглых крестьян, необходимо ознакомиться со всем комплексом прав и обязанностей крестьянского населения, закрепленных в Уложении.

Но, прежде чем приступать к анализу правового положения крестьян, необходимо определиться с тем, что мы будем подразумевать под самим понятием правовое положение. Обычно под правовым положением (статусом) понимают систему прав и обязанностей личности, которые закреплены и гарантированны ей по закону. Однако в доктрине нет единого определения, раскрывающего это понятие. Некоторые исследователи, помимо совокупности прав и обязанностей, включают в правовое положение (статус): общую ответственность личности перед государством и обществом [4], законные интересы, гражданство, гарантии прав [5]. В нашем случае, характеризуя правовое положение крестьянства по Соборному Уложению, нужно учитывать, что нельзя в полной мере применить современное понятие правового положения раскрывая юридический статус крестьянства того времени. Необходимо принимать во внимание.

Во-первых, не приходится говорить о сколько-нибудь развитой системе прав и свобод крестьянства, так как к моменту принятия Уложения крестьянин выступал уже в качестве объекта права (Это нашло отражение и в самом Уложении, в качестве примера можно привести статью 34 главы XI Уложения, когда спор между феодалами по поводу принадлежности крестьянина решался жребием, при этом проигравший феодал вознаграждался деньгами. За крестьянина устанавливалась твердая цена – 5 рублей.), как субъект правоотношения он мог осуществлять лишь некоторые закрепленные за ним имущественные и процессуальные права (они будут рассмотрены чуть позже). Кроме того,

следует отметить, что феодал вершил суд над своими крестьянами почти по всем категориям дел, за исключением некоторых ограничений, установленных статьей 7 главы XIII Уложения (например, кроме разбоя, убийства). То есть здесь видна правовая связь между землевладельцем и его крепостными.

Во-вторых, характеризуя правовое положение крестьянства в середине XVII века необходимо рассматривать его как правовое положение не отдельного крестьянина как личности, а всего крестьянского сословия в целом. Справедливо утверждение Б.Н. Миронова, что именно Уложение 1649 года явилось важным рубежом в развитии сословного строя в России. Если до момента его принятия отдельные социальные группы различались преимущественно обязанностями, то теперь также и закрепленными в законе правами [6], а, по мнению В.О. Ключевского, «существенным и наиболее осязательным признаком сословного деления служит различие прав, а не обязанностей» [7]. (Как один из подтверждающих примеров различия прав в Уложении можно привести норму статьи 5 главы XIX Уложения, которая запрещала крестьянам иметь собственность в посаде). То есть крестьянство согласно Уложению являлось отдельным сословием с отличными от других сословий правами.

Интересным добавлением в данном случае будет являться предложение Н.В. Витрука, который вводит в отношении сословий в феодальном обществе такую категорию, как корпоративные права, т.е. равенство прав членов сословия в отношениях друг с другом [8]. Таким образом, при характеристике правового положения крестьянства следует учитывать сословные рамки, устанавливаемые Уложением.

Исходя из этого попробуем сформулировать определение правового положения крестьянства. Под правовым положением крестьянства следует понимать систему специфических прав, присущих крестьянству в рамках сословия, и совокупность юридических обязанностей, устанавливаемых государством, а также санкционированную государством, юридическую связь, характеризующуюся зависимостью крестьян от воли собственника или владельца земли, на которой они проживали (к примеру, вотчинник мог свободно переводить своих крестьян в другие земли без их согласия, вершить суд над крестьянами, крестьянин нес субсидиарную ответственность по долгам землевладельца).

Определившись с понятием правового положения, нужно попытаться его раскрыть непосредственно через анализ норм, затрагивающих интересы крестьянства.

Так как одной из главных задач Уложения была борьба с крестьянскими побегами [1], то, как представляется, анализ правового положения крестьян следует начать именно с норм, регламентировавших сыск и возвращение крестьян, бежавших от землевладельцев. Эти нормы были закреплены в XI главе Уложения, названной «Суд о крестьянах». В этой главе отменялись «урочные лета» и уделялось особое внимание вопросу борьбы с беглыми крестьянами и закрепления их за прежними владельцами. Большую роль в возвращении беглых крестьян и прикреплении их к земельным владениям сыграло законодательное закрепление нормативных оснований сыска – писцовых книг 1626 года и переписных книг 1646-1648 гг. Писцовые книги, закрепившие перепись населения 1626 года, служили одновременно и документом, устанавливавшим права землевладельца на беглых крестьян. В порядке борьбы с крестьянскими побегами в Уложении закреплялись нормы, которые были призваны исключить возможность получения крестьянами убежища в случае побега. В частности, в Уложении говорилось: «впредь никому чужих крестьян не принимать и за собою не держать» [8, ст. 9]. За укрывательство беглых крестьян устанавливалась ответственность, землевладелец должен был уплатить штраф в размере 10 рублей за каждого крестьянина [8, ст. 10].

В то же время землевладельцы имели право закреплять за своими вотчинами и поместьями вольных людей при наличии у них отпускных грамот. При этом законодательство различает вольных по отпускным грамотам и вольных по происхождению. При отсутствии отпускной грамоты землевладелец согласно статье 20 главы XI Уложения должен был отвести их в Поместный приказ для записи в крестьяне.

От приема и укрывательства беглых крестьян следовало отличать такой вид феодальной зависимости, как «наем». Крепостной крестьянин мог наняться на работу по договору к другому землевладельцу, причем новый владелец должен был отпустить крепостного после истечения срока найма [8, ст. 32].

Кроме того, в Уложении поднимался вопрос о правовом положении семей тех крестьян, которые

вступили в брак «в бегах». Причем закон дифференцировал правовое положение крестьянских семей, бежавших до составления переписных книг 1646 – 1648 гг., от тех, которые сбежали после их составления. Если согласно статье 3 главы XI Уложения крестьянин бежал до составления переписных книг 1646 – 1648 гг. (т.е. основанием возврата служили писцовые книги 1626 г.), то возврату подлежали одновременно жена и дети беглого, но если крестьянин бежал после составлении переписных книг, то на будущее значительно расширялся круг его родственников подлежащих возврату вместе с ним. В него, помимо жены и детей, теперь входили братья, племянники, внуки с женами и их дети [8, ст. 29].

Из этого можно сделать вывод, что Уложение закрепляло потомственную крепостную принадлежность, распространяя ее на членов семьи крестьянина. Заинтересованность феодалов в возвращении крестьян и увеличении их численности была продиктована не только хозяйственными интересами. Одним из решающих факторов служило то, что значение феодальных владений определялось не количеством их земельной собственности, а количеством крепостного населения. К примеру, Уложение запрещало выбирать к губным делам целовальников, подьячих и сторожей из вотчин и поместий, насчитывавших менее 20 крестьян [9, ст. 98].

Интересной, в вопросе прикрепления крестьян к земле, является позиция И.Д. Беляева. По его мнению, «…прикрепление крестьян к земле по Уложению было только чисто финансовой мерой правительства ... единственную цель прикрепления составляла удобность собирать казенные подати с земель, постоянно занятых крестьянами» [10].

Совершенно иную позицию по данному вопросу занимает Б.Д. Греков. Согласно его исследованиям прикрепление крестьянства к земле и отмена урочных лет являются следствием уступки государства требованиям служилых людей, которые нашли свое отражение в ряде челобитных, обращенных к царской власти. В частности, в одной из челобитных, датированной 1637 г., помещики высказывали свое недовольство тем фактом, что сбежавшие от них крестьяне находили себе приют у крупных землевладельцев, которые имели возможность скрывать бежавших крестьян в течение урочных лет в своих дальних владениях. А после истечения пятилетнего срока сыска беглые крестьяне переводились в ближние поместья. Причем помещики в челобитной делали акцент на том, что беглые крестьяне, прижившись у нового землевладельца, начинали сманивать к нему крестьян из соседних и смежных землевладений. Естественно, что такое положение абсолютно не устраивало помещиков, и они требовали прикрепить крестьян к землевладениям и отменить урочные лета, т.е. сделать сыск беглых крестьян бессрочным [11].

Однако требование, выдвигавшиеся в этой челобитной остались без внимания. Лишь в 1642 г., в ответ на новую челобитную от дворян с теми же требованиями был издан указ, увеличивающий срок сыска до 10 лет. Но эта незначительная уступка, на которую пошло правительство, естественно, не могла удовлетворить помещиков, и поэтому в 1648 г. дворяне и дети боярские снова поставили наболевший вопрос и обратились с новой челобитной к царю. В ней они выдвинули следующие требования: 1) полная отмена урочных лет; 2) запрет принимать беглых крестьян и введение наказания за нарушение запрета; 3) возможность применения пыток для установления личности крестьян, скрывающихся под чужим именем [11].

По всей видимости, челобитная возымела действие, так как на Земском соборе 1648 – 1649 гг. было составлено Соборное Уложение, где глава XI была посвящена вопросам, поднятым в челобитной. Аналогичного взгляда с Грековым в этом вопросе придерживается и В.И. Корецкий [12]. Эта позиция по вопросу прикрепления крестьян к земле и отмене урочных лет представляется более обоснованной, нежели точка зрения И.Д. Беляева, который считает, что меры по закрепощению крестьянства носят чисто фискальный характер. В частности, примерами, подтверждающими мнение Б.Д. Грекова, можно считать статьи 1 и 9 главы XI Уложения, в которых отменяются урочные лета и вводится запрет на прием беглых крестьян. Именно в этих статьях нашли свое отражение требования дворян, указанные в челобитной 1648 года.

Кроме личности крепостного человека, немалое значение для земледельца имело имущество крестьян, что нашло отражение и в Уложении. Закон рассматривал крепостного и его имущество как единое целое. Подтверждающими это факторами были требования, закрепленные в нормах Уложения, о возврате беглых крестьян вместе с имуществом (гл. XI, ст. 3, 9, 10). В законе закреплялось право землевладельца вместе с предъявлением

кому-либо иска о возвращении беглого крестьянина предъявить иск и об имуществе крепостного. Если истец не мог указать состав имущества, то такой иск все равно удовлетворялся (в размере 5 рублей) (Гл. XI, ст. 26). Ответчик, который не признавался на суде в приеме беглых крестьян с имуществом, а после все же сознавался в этом, но отрицал наличие у беглых имущества, все равно должен был отдать не только крестьянина, но и возместить стоимость имущества. Данная норма приводит нас к выводу о том, что в подобного рода делах крестьянин выступал в качестве объекта правовых отношений, наравне с его имуществом, т.е. по сути, крестьянин сам выступал в роли вещи.

При изучении положения крепостного во взаимосвязи с его имуществом особый интерес вызывает статья 262 главы X Уложения. В частности, в ней закреплялось, что долги вотчинников и помещиков, которые они были не в состоянии отдать, могли быть погашены за счет имущества крестьян, принадлежащих землевладельцам. Можно сказать, что крестьянин нес субсидиарную ответственность за долги феодала.

По аналогии крестьянин признавался наравне с землевладельцем возможным соучастником нанесения хозяйственного ущерба соседнему владению и нес в таком случае равную с феодалом ответственность (Гл. X, ст. 208).

В то же время нельзя не согласиться с мнением А.Г. Манькова, который считал, что допущенные законом вторжения феодалов в пределы крестьянской собственности говорят лишь об определенной степени ее ограниченности, но не о полном ее отсутствии. В качестве обоснования своих мыслей он ссылается на статью 23 главы XVII Уложения, в которой закон не ставит преград крестьянину в сфере его непосредственной производственной деятельности – сельскохозяйственной и связанной с ней промысловой. Уложение наделяет крестьянина правом, в дополнение к своему наделу, на оброчное держание сенных покосов, бобровых гонов и других угодий, неприкосновенность которых, гарантируется в этой же статье [13].

Анализ норм Уложения 1649 года, касающихся крестьян, показывает, что они во многом носили сословный характер и законодатель пытался четко отделить крестьянское сословие от остальных категорий населения. Это можно объяснить главенствующей ролью крестьянства в сельскохозяйственном производстве и стремлением феодалов сохранить крестьянскую семью как производственную единицу. Одним из доказательств стремления законодателя загнать крестьянство в сословные рамки могут служить отдельные нормы главы XIX Уложения (О посадских людях). В частности, была запрещена крестьянская собственность на посадах и связанная с нею торговая и промысловая деятельность крестьян в пределах посадов (Гл. XIX, ст. 5, 15). К тому же Уложение отсекало возможности перехода из крестьянской среды в посадское население. Согласно статье 22 главы XIX Уложения женитьба крепостного крестьянина на дочерях посадских людей не влекла прикрепления крестьянина к посаду. Хотя в то же время женитьба на посадской девушке свободного человека прикрепляла его к посаду (Гл. XIX, ст. 37). То есть законодатель целенаправленно ограничивал правоспособность крестьян в этом вопросе. Однако следует отметить, что Уложение делило крестьян на две крупные разновидности: крестьян государственных (дворцовых и черносошных) и крестьян частновладельческих. И запрета о переходе государственных крестьян в посад в Уложении не содержится, запрет действует исключительно в отношении частновладельческих крестьян. К тому же государственные крестьяне наряду с посадскими людьми имели право брать на откуп таможни, кабаки и другие статьи государственного бюджета (Гл. XVIII, ст. 23). Из этого можно заключить, что в правовом положении государственные крестьяне было несколько выше, чем крестьяне, принадлежащие феодалам. Следовательно, крестьяне, являясь членами одного сословия, различались по своему правому положению в зависимости от того, на какой земле они проживали – государственной или земле, находившейся в собственности феодала.

Как уже говорилось ранее, хотя Уложение и ограничивало правоспособность крестьян в значительной сфере деятельности, крестьянин все же оставался субъектом права. К примеру, согласно статье 7 главы XIII Уложения крестьянин оставался субъектом преступления по уголовным делам: «за крестьян своих ищут и отвечают они же дворяне и дети боярские во всех делех, кроме татьбы и разбою и поличного и смертных убийств». Помимо уголовных дел, крестьянин обладал правоспособностью и в некоторых гражданско-правовых делах: со стороны городовых людей ему мог быть предъявлен

материальный иск. Крестьянин мог предъявить иск тем же лицам (Гл. XIII, ст. 3). Кроме того, о наличии определенных гражданских прав у крестьянина говорит норма статьи 94 главы X Уложения, защищающая его личность от бесчестия. Норма включает в себя санкцию предусматривающую выплату крестьянам за оскорбление в размере 1 рубля. В отношении крестьян закон отождествляет вопрос о бесчестии и причинении им физического вреда. Вред, причиненный крестьянину, квалифицировался как бесчестие и карался штрафом в пользу потерпевшего (Гл. X, ст. 94). Однако санкция за бесчестие крестьянина была самой низкой, относительно остальных категорий населения. Логически из этого следует, что крестьянское сословие занимало низшее положение в иерархии феодального общества того времени [6].

Помимо санкции за бесчестье, закон также устанавливал ответственность за убийство крестьянина. Ответственность дифференцировалась в зависимости от причин преступления и от общественного положения убийцы в обществе. Феодал в качестве санкции за причинение смерти чужому крестьянину в ходе драки или находясь в пьяном состоянии, но без умысла [14], должен был отдать владельцу убитого крепостного лучшего своего крестьянина с семьей и имуществом, погасить все долги убитого, а сам подвергнуться тюремному заключению (Гл. XXI, ст. 71). В случае если убийство при тех же обстоятельствах совершал крестьянин, то он подвергался наказанию кнутом и вместе с семьей и принадлежащим ему имуществом передавался взамен убитого им крестьянина. Только в случае преднамеренного убийства крестьянина применялась смертная казнь к преступнику, независимо от его социального положения (Гл. XXI, ст.72). Различие санкций за одно и то же преступление говорит о том, что по степени правовой защищенности крестьянин находился на уровне ниже феода и юридическая ответственность за убийство носила сословный характер [15]. Ведь в случае непредумышленного причинения смерти крестьянину крестьянином виновный нес двойное наказание – смена владельца и кнут, а феодал, по сути, только терял рабочие руки.

Еще одним фактором, показывающим правовую незащищенность крестьянства, было то, что законодателя в большей степени интересовало лишь возмещение потерпевшей стороне (владельцу крестьянина) рабочей силы, интересы семьи убитого крестьянина никак не учитывались и в законодательстве не отражались.

К явлениям, характеризующим правовое положение крестьянского населения, можно отнести нормы главы X (о Суде) Уложения. Согласно закону крестьяне, наравне с другими лицами, могли быть участниками «повального обыска населения» - массового опроса населения (Гл. X, ст. 61). А согласно статье 235 государственные крестьяне при спорах о межах с феодалами сами могли ссылаться на показания окольных людей. В то же время нельзя не обратить внимания на то, что законодательство при охране земельных прав отдавало приоритет феодальным землевладениям. За порчу крестьянами друг у друга межи виновным полагалось битье кнутом, но если порча межи совершалась крестьянином в поместных или вотчинных землевладениях, то виновные наказывались не только кнутом, но и тюремным заключением. Продолжая вопрос процессуальной правоспособности крестьян, следует заметить, что закон допускал доносы крестьян на своих господ в случае их замыслов о государственной измене или причинения зла государю, но требовал неоспоримых доказательств под угрозой наказания за ложный донос (Гл. II, ст. 13). В качестве доказательств на суде могли признаваться показания крестьян, полученные под пыткой, если они совпадали с показаниями на предварительном допросе (Гл. XXV, ст. 14).

Другая ситуация складывалась при обвинении дворянина и его крестьян в разбое со стороны посторонних лиц. В этом случае если подробности дела выяснить не удавалось, то крестьяне первыми подвергались пытке, и только признание крестьянина под пыткой в разбое могло служить основанием назначения пытки дворянина. С другой стороны, привод дворянином своих крестьян и обвинение их в разбое служил достаточным основанием назначения им пытки, даже если не имелось других свидетельских показаний (Гл. XXI, ст. 47, 48). На основании этих норм можно сделать вывод о сословном характере феодального суда того времени.

Соборное Уложение включало в себя две формы прикрепления крестьян к земле: прикрепление к поместью и прикрепление к вотчине. В обоих случаях крестьянин выступал как органическая принадлежность вотчины и поместья. По сути, судьба крестьянина соответствовала правовой судьбе по-

местья или вотчины, к которой он был прикреплен. Конечно, существовали определенные различия в правомочии владельцев поместий и вотчин относительно распоряжения крестьянами. Такой вывод можно сделать, опираясь на статью 30 главы XI Уложения, которая запрещала переводить крестьян из поместья в вотчины даже в пределах одного владения. Если помещик списывал крестьян с поместья в вотчину, а потом поместье переходило к другому владельцу, то новый владелец имел право предъявить иск на крестьян, а предыдущий владелец обязан был вернуть крестьян обратно со всем их имуществом (Гл. XI, ст. 30). Скорее всего, такое решение законодателя было обусловлено опасением запустения поместных земель и стремлением защитить права нового владельца. Другое отличие в объеме прав вотчинников и помещиков было закреплено статье 3 главы XV Уложения. Согласно закону вотчинник имел право отпускать своего крепостного на волю, выдавая ему отпускную грамоту, и такая грамота оставалась в силе при переходе вотчины другому собственнику. В случае же с поместьями закон формулировал требование запрещающее отпуск поместных крестьян на волю. Если крестьянин отпускался на волю, новый владелец по аналогии с нормой ст. 30 гл. XI Уложения мог потребовать возвращения отпущенного крестьянина.

Соборное Уложение 1649 года рассматривало владельцев вотчин и поместий как представителей государственной власти на местах в пределах своих владений. Им предоставлялся ряд прав и обязанностей в отправлении правосудия на подвластных им землях. Согласно статье 7 главы XII Уложения крестьяне поместные или вотчинные подлежали суду своих землевладельцев « во всяких делех, кроме татьбы и разбою, и поличного и смертных убийств». Также при обнаружении признаков государственной измены, особенно в приграничных территориях, помещики и вотчинники обязаны были сообщать об этом воеводам и приводить к ним подозреваемых крестьян, в отношении которых должен был быть произведен сыск (Гл. VI, ст. 6). За нарушение предписаний закона, отказ выдать крестьянина государственной власти и применение самосуда устанавливались строгие санкции, в частности, закон предписывал «у такова помещика за такое воровство отнятии поместие, и отдати в раздачу» (Гл. XXI, ст. 79). Суровая санкция за свершение самосуда отражала стремление законодателя поставить государственное судебное преследование выше частного и тем самым отделяла категорию публичных дел о частных.

Завершая анализ норм, относящихся к крестьянству, Соборного Уложения 1649 года и подводя итоги, следует отметить, что в законе закреплялось монопольное право владения крестьянами за всеми категориями служилых людей, была установлена постоянная наследственная крепостная зависимость крестьян и их семей. В связи с этим отменялись урочные годы, вводился бессрочный сыск беглых крестьян. Нормативным основанием прав на крестьянское население были писцовые книги 1626 года, а также в дополнение к ним переписные книги 1646 – 1648 гг.

Согласно положениям Уложения крестьянская дееспособность была ограничена, их воля подменялась волей феодалов, за которыми они были закреплены. Круг правомочий феодалов в отношении крестьянина был достаточно широк, крестьянин воспринимался как объект феодального права, но наряду с этим крестьянин обладал, в качестве субъекта права, определенными правами владения своим наделом и хозяйством. Кроме того, в некоторых уголовных и гражданских делах крестьяне выступали и действовали от своего имени. Они могли принимать участие в судебном процессе в качестве свидетелей, быть истцом и ответчиком по гражданским делам. Уложение также гарантировало возмещение вреда, причиненного крестьянам увечьем или бесчестием, в рамках и размерах присущих низшему общественному сословию.

Литература

1. *Софроненко К.А.* Соборное Уложение 1649 года – кодекс Русского феодального права. М., 1958.

2. *Готье Ю.В.* Крестьяне в XVII столетии // Великая реформа. М.,1911. Т. 1.

3. *Маньков А.Г.* Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962.

4. *Матузов Н.И.* Личность. Права. Демократия: Теоретические проблемы субъективного права. Саратов, 1972.

5. *Витрук Н.В.* Общая теория правового положения личности. М., 2008.

6. *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи. СПб., 2000.

7. *Ключевский В.О*. История сословий в России. Минск, 2004.

8. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. Гл. XI // Памятники русского права. М., 1957. Т. 6.

9. Соборное Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года. Гл. XXI. Ст. 98.

10. *Беляев И.Д*. Крестьяне на Руси.

11. *Смирнов П.П*. Челобитные дворян // *Греков Б.Д*. Крестьяне на Руси с древнейших времен до XVII века. М., 1954.

12. *Корецкий В.И*. Формирование крепостного права и первая крестьянская война в России. М., 1975.

13. *Маньков А.Г*. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII века. М.; Л., 1962.

14. Умысел устанавливался путем пытки.

15. Как один из признаков сословного неравенства Ключевский выделял то обстоятельство, что закон различно наказывает людей разных сословий за одни и те же преступления (*Ключевский В.О*. История сословий в России. Минск, 2004).

УДК 340.15

Гасанов Г.Р.

ИНСТИТУТЫ ОБЫЧНОГО ПРАВА АГУЛОВ. КРОВНАЯ МЕСТЬ И ПРИМИРЕНИЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПОЛЕВОЙ ЭВРИСТИКИ В С. ТПИГ)

В статье рассматриваются институты обычного права агулов: кровная месть и примирение; уточняются особенности механизма обряда примирения, в большей степени обращено внимание на сам институт кровной мести. Автором дана общая картина эволюции этого института в XIX веке. В целях расширенного исторического фона излагаемой проблемы особое внимание уделено работам таких ученых как П.К. Услар, В.И. Голенищев-Кутузов, О.И. Константинов, Н. Дубровин, А. Дирр, Б. Калоев.

In article common law institutes are considered. Blood feud and reconciliation. Features of the mechanism of a ceremony of reconciliation and institute of blood feud are specified. The author gives an overall picture of evolution of this institute in 19 century. In the course of a statement the author has paid attention to works of such authors as P.K. Uslar, V.I. Golenischev-Kutuzov, O.I. Konstantinov, N. Dubrovin, A. Dirr, B. Kaloev .

Ключевые слова: *народ, союзы, община, тухум, право, месть, примирение, старшины, сход, совет старейшин, народное собрание, штрафы, кровник.*

Keywords*: the people, the unions, a community, a sort, the right, revenge, reconciliation, foremen, a descent, the Sanhedrim, national meeting, penalties.*

¬Как известно, Дагестан – многонациональный регион, здесь живет много различных народов, том числе и агулы, которые известны еще с древнейших времен. Первое упоминание об агулах относится к VII в., когда в Армянской географии VII в., наряду с другими народами, упоминаются и «агутокани» [1, с. 37]. Второе упоминание о народах «рукушани», которых среди прочих народов Маслама обратили в ислам [2, с. 103 – 104], исследователями идентифицируется с агулами-кушанцами (кушандеринцами) на основании того, как называют их соседи. Сами агульцы кушандеринцами называют агульцев, проживающих на территории ущелья Кушан-дере, носителей кошанского диалекта агульского языка (сел. Буршаг, Арсуг, Худиг).

Отсутствие более ранних сведений об агулах не означает, что они как этническая единица сформировались лишь к VII в. н.э. Известно, что с IV в. до н.э. по V в. н.э. на территории современных Дагестана и Северного Азербайджана функционировало государственное образование Кавказская Албания. Античные авторы сообщали о 26 племенах и народах Албании, которые прежде управлялись отдельными царями. «Ныне над всеми царствует один царь, а прежде каждый народец с особым наречием имел своего царя» [3], – писал в I в.н.э. Страбон в